

Гукосьянц О. Ю. Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 / О. Ю. Гукосьянц, О. А. Алимурадов, З. У. Хакиева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 175—196. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196.

Gukosyants, O. Yu., Alimuradov, O. A., Khakiyeva, Z. U. (2022). Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 175-196. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196

Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19

Гукосьянц Ольга Юрьевна¹
orcid.org/0000-0001-7879-8436

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра западноевропейских
языков и культур
gukosjants@mail.ru

Алимурадов Олег Алимурадович¹
orcid.org/0000-0002-8686-8374

доктор филологических наук, доцент,
кафедра западноевропейских
языков и культур
alimuole@mail.ru

Хакиева Залиха Усмановна²
orcid.org/0000-0001-8323-589X

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка
zalikha_khakiyeva@mail.ru

¹ Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

² Чеченский государственный
университет им. А.-А. Кадырова
(Грозный, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена в рамках
проекта МК-1675.2022.2 по гранту
Президента Российской Федерации

Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic

Olga Yu. Gukosyants¹
orcid.org/0000-0001-7879-8436

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of West European
Languages and Cultures
gukosjants@mail.ru

Oleg A. Alimuradov¹
orcid.org/0000-0002-8686-8374

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of West European
Languages and Cultures
alimuole@mail.ru

Zalikhya U. Khakiyeva²
orcid.org/0000-0001-8323-589X

PhD in Philology, Associate Professor,
The English Language Department
zalikha_khakiyeva@mail.ru

¹ Pyatigorsk State University

² A. A. Kadyrov Chechen
State University
(Grozny, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within
the framework of the project MK-
1675.2022.2 with a grant
from the President of the Russian Federation

© Гукосьянц О. Ю., Алимурадов О. А., Хакиева З. У., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается агрессивное коммуникативное поведение виртуальной языковой личности, провоцирующей конфликтную коммуникативную ситуацию в виртуальном пространстве (тролля-агрессора). Исследование проведено на материале комментариев к постам в Живом Журнале и интернет-мемов, опубликованных в период пандемии COVID-19. В ходе анализа исчислены коммуникативные роли, воспроизводимые троллями-агрессорами, применяемые ими коммуникативные стратегии и тактики. Общей коммуникативной стратегией агрессивного конфликтного взаимодействия тролля в указанный временной период признается стратегия враждебности, воплощенная в частных стратегиях (микро-стратегиях) дискредитации и нападения. Сделано заключение о реализации микростратегии дискредитации посредством тактики ложного комплимента, тактики колкости, тактики оскорбления и тактики обвинения, о реализации микростратегии нападения через речевые тактики угрозы и возмущения. Особое внимание уделено описанию маркеров перечисленных тактик, наблюдаемых в коммуникативном поведении троллей-агрессоров. Исчисление речевых тактик, используемых троллями-агрессорами для провоцирования конфликта в интернет-среде, позволило конкретизировать полученную в процессе анализа эмпирического материала типологию троллей-агрессоров. Итогом работы стало построение схемы, отражающей наблюдаемые в анализируемом материале типы троллей общего вида «тролль-агрессор», реализуемые ими коммуникативные стратегии и тактики в рамках общей стратегии враждебности.

Ключевые слова:

интернет-опосредованная коммуникация; конфликтный дискурс; коммуникативный конфликт; агрессивное коммуникативное поведение; троллинг; тролль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers the aggressive communicative behaviour of a virtual linguistic personality provoking a communication conflict in the virtual space (a troll-aggressor). The data include comments retrieved from LiveJournal posts and Internet memes published during the COVID-19 pandemic. In the course of the analysis, the authors reveal the communicative roles, strategies and tactics of trolls-aggressors. The common strategy of the troll's aggressive conflict interaction in the indicated time period is the strategy of hostility which is embodied in particular strategies (micro-strategies) of discrediting and attack. It is concluded that discrediting as a micro-strategy can be implemented via a false compliment, the tactic of taunt, the tactic of insult and the tactic of blaming. The micro-strategy of attack is implemented by means of threat and indignation. Particular attention is paid to the description of the markers of the above-listed tactics observed in trolls-aggressors' communicative behaviour. Enumeration of the tactics used for provoking conflicts in virtual environment made it possible to concretize the typology of trolls-aggressors which has been revealed in the course of empiric data analysis. As a result, the authors present a scheme which reflects the types of trolls, belonging to the general type "troll-aggressor", and the implemented communicative strategies and tactics within the framework of the common strategy of hostility.

Key words:

computer-mediated communication; conflict discourse; communication conflict; aggressive communicative behaviour; trolling; troll.

УДК 811.161.1'42:004.738.5

Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19

© Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А., Хакиева З. У., 2022

1. Введение = Introduction

Период пандемии и массового карантина, повлекший введенные ограничения, нахождение в замкнутом пространстве без возможности свободного перемещения и смены обстановки, страх за собственную жизнь и здоровье, а также здоровье близких, новые требования к способу организации работы и образовательного процесса, характеризуется высоким уровнем эмоциональной напряженности граждан. Неприятие происходящего, желание выразить негативное отношение к ситуации, принимаемым мерам, унижить, психологически подавить придерживающихся другого мнения оппонентов послужили катализаторами конфликтного взаимодействия, реализуемого прежде всего в виртуальном пространстве.

Девиантное коммуникативное поведение в интернет-среде, проявляющееся в обмане, изменении идентичности участника коммуникации, агрессивном речевом поведении, разрушении взаимных отношений с собеседником, в вовлечении в конфликт сторонних участников определено К. Хардакер как интернет-троллинг [Hardaker, 2010, p. 225—238]. При этом сам пользователь, участвующий в коммуникации посредством компьютеров и конструирующий образ личности, желающей быть частью рассматриваемой группы, реальные намерения которой заключаются в нарушении стабильности и (или) разжигании или поддержании конфликтной ситуации в целях собственного развлечения, определен исследователем как интернет-троль [Hardaker, 2010, p. 239].

Характеристике языковой личности тролля, желающего оказать разрушительное эмоциональное воздействие на собеседника (тролля-агрессора), дифференциации типов троллей данного вида, наблюдаемых на просторах Живого Журнала и создающих интернет-мемы в период пандемии, исчислению комплекса речевых стратегий и тактик, служащих для достижения такими троллями деструктивного результата коммуникации, посвящена настоящая работа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка и репрезентируемой этим языком концептосферой [Алимуратов

и др., 2010, с. 12; Караулов, 2010, с. 27]. Языковая личность представляет собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Караулов и др., 1989, с. 3].

«Главным способом самовыражения языковой личности, — отмечает К. Ф. Седов, — является дискурсивная деятельность и шире — дискурсивное поведение» [Седов, 1999, с. 6]. По мнению Ю. Н. Караулова, «не обратившись к творцу, носителю и пользователю языка — к человеку, к конкретной языковой личности, нельзя познать сам по себе язык» [Караулов и др., 1989, с. 7].

Обращаясь к анализу дискурсивного поведения языковой личности в интернет-среде, уместно, на наш взгляд, уточнить формулировку термина *виртуальная языковая личность* и использовать его в рамках настоящей работы. Виртуальная языковая личность, под которой мы понимаем конструируемый виртуальный образ, созданный реальной языковой личностью в условиях анонимности компьютерно-опосредованной коммуникации и «доступный» собеседником на основе имеющихся фактов вербального поведения, а также собственных предпочтений, отношения к партнеру по коммуникации [Гукосьянц, 2016, с. 46], обладает определенной свободой в интернет-пространстве и демонстрирует собственную идентичность посредством коммуникативного поведения, в частности создаваемых сообщений.

По определению И. А. Стернина, под *коммуникативным поведением* понимается «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [Стернин, 1989, с. 280].

Коммуникативное поведение проявляется в определенных коммуникативных ситуациях, представляющих собой «совокупность речевых и неречевых условий, необходимых для осуществления речевого действия» [Смолина, 2014, с. 223].

Поведение человека в общении, в той или иной коммуникативной ситуации, образ человека, создаваемый им для достижения определенной цели, определены И. А. Стерниным как «коммуникативная роль», исполнение которой «дает человеку возможность воздействовать на окружающих в нужном ему направлении», она неразрывно связана с понятием «ролевая маска», которую надевает человек для достижения поставленных целей [Стернин, 2001, с. 79—80]. Придерживаясь предложенной И. А. Стерниным дифференциации коммуникативных ролей на стандартные и инициативные, отметим, что виртуальная языковая личность, демонстрирующая агрессивное комму-

никативное поведение, исполняет скорее инициативные коммуникативные роли, то есть конструирует те образы, «которые человек сознательно создает в общении для достижения определенной цели, то, кем он решил “прикинуться” для достижения поставленной им задачи» [Там же, с. 80—81].

Принимая в качестве *предмета исследования* в настоящей работе коммуникативное поведение виртуальной языковой личности, провоцирующей конфликтную коммуникативную ситуацию в виртуальном пространстве за счет выбора определенных речевых действий, приводящих к коммуникативному конфликту — «речевому столкновению, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами» [Седов, 2002], мы видим необходимость в исчислении коммуникативных ролей, воспроизводимых демонстрирующими агрессивное коммуникативное поведение конфликтными виртуальными языковыми личностями, наблюдаемых в комментариях к постам в Живом Журнале периода пандемии и в посвященных данному времени интернет-мемах.

Однако для корректности проводимого анализа уточним понимание нами конфликта как конфронтационного коммуникативного взаимодействия и разграничим агрессивную конфликтную и жесткую аргументативную коммуникацию.

По мнению Н. А. Белоус, конфликт — парный поведенческий акт, специфическое взаимодействие — конфронтация — одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнеров в понимании или оценке ситуаций и возникновение их антипатии друг другу [Белоус, 2008, с. 31].

В противовес характерному для агрессивного конфликтного взаимодействия столкновению противоборствующих сторон, вербальная аргументативность определяется как «предрасположенность человека отстаивать свои позиции по спорным вопросам» [Infante et al., 1982, p. 72]. Аргументативность признается конструктивной характеристикой, поскольку она связана с повышением уровня эрудиции, менее эгоцентричным мышлением, улучшением решения проблем, повышением авторитета, лидерства и принятия решений, большей компетенцией в области коммуникации и благоприятными организационными результатами коммуникации. Агрессивность, наоборот, представляет собой деструктивную, разрушительную характеристику [Ibid., p. 159]. Вербальные агрессоры, согласно мнению М. Martin и С. Anderson, общаются по большей части для осуществления контроля [Martin et al., 1996, p. 547]. P. Schrodt и L. Wheelless, изучая агрессивные сообщения, заключают, что они связаны с нападками на характер, компетентность и внешний вид, а также с насмешками, угрозами, клеветой, желанием подразнить, применением ненормативной лексики [Schrodt et al., 2001, p. 55].

Именно агрессивные конфликтные сообщения, представляющие собой комментарии к постам в Живом Журнале, а также интернет-мемы, появившиеся в период пандемии, являются материалом исследования в настоящей работе. Анализируемый материал насчитывает порядка 1500 агрессивных конфликтных сообщений и более 200 интернет-мемов, подбор которых осуществлялся методом сплошной выборки. Основными методами исследования явились методы лингвостилистического и контекстуального анализа. При обобщении, систематизации, классификации и интерпретации полученных данных применялся описательный метод.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

Разжигание розни в Интернете через публикацию подстрекательских, оффтоповых сообщений, вызывающих эмоциональную реакцию читателей и нарушение хода дискуссии, известно под названием «интернет-троллинг» [Angouri et al., 2010]. Задача тролля — осуществить речевое столкновение, нанести удар по самооценке оппонента, разрушить коммуникацию. К. Хардакер выводит четыре основные взаимосвязанные характеристики тролля: агрессия, успех, раскол и обман. *Агрессия*, по мнению ученого, предполагает злонамеренное поведение с целью вызвать раздражение или заставить других принять ответные меры; *успех* зависит от того, достигнет или нет предпринятая троллем провокация желаемого гневного ответа; *раскол* заключается в изменении темы дискуссии и строится на переключении участников с обсуждения основной темы на личные оскорбления; *обман* связан с построением троллем ложной идентичности, реальные намерения которой — спровоцировать или обострить конфликт для реализации собственных целей, ради развлечения [Hardaker, 2010, pp. 225—236].

Проанализировав материал исследования и изучив представленные выше данные касательно поведения троллей в виртуальном мире, приходим к заключению, что в коммуникативном поведении троллей в рамках настоящей выборки прослеживаются две базовые интенции: 1) собственно агрессия, направленная на дискредитацию оппонента, сознательное разрушение коммуникации и 2) манипуляция, заключающаяся в скрытом воздействии на сознание пользователей посредством обоснования продвигаемой позиции или возбуждения коллективной ненависти с целью создать собственную «группу поддержки».

Свойство манипулятивности агрессивного коммуникативного поведения целесообразно отграничивать от свойства суггестивности, присущего коммуникации в целом, хотя существуют работы, в которых данные свойства практически отождествляются, см., в частности: [Гончаренко, 2008]. Суггестивность является одним из важнейших факторов многослойности

смысла, передаваемого высказыванием и текстом как коммуникативными единицами. Согласно Р. Познеру, при рецепции высказывания слушающий сначала воспринимает и пытается интерпретировать информацию, лежащую на поверхности, то есть *конструирует верхний смысловой слой*. Если такая интерпретация не помогает и полученный смысл *не вписывается в общую цель коммуникации*, реципиент высказывания, предполагая, что информация, которую стремился передать ему говорящий, отличается от буквального смысла высказывания, осуществляет *прагматический анализ вербального и невербального контекста*, в котором было продуцировано воспринятое им речевое произведение. Именно прагматический анализ контекста, как отмечает Р. Познер, дает возможность выявить *суггестивные компоненты*, необходимые для конструирования более глубокого смыслового слоя высказывания [Posner, 1980, pp. 177—184]. Можно выделить три основные характеристики суггестивных элементов коммуникативного контекста:

— у них отмечается вариативность интерпретаций, проявляющаяся в том, что некоторые элементы контекста *всегда задействованы* в процессе понимания некоторого высказывания или его компонента (такие контекстуальные элементы целесообразно включать в буквальный смысл коммуникативных единиц [Bierwisch, 1980]), в то время как другие составляющие контекста влияют на понимание только в определенных условиях, в результате специальной интерпретации;

— поскольку, как следует из определения, суггестивные элементы контекста находятся в сильной зависимости от ситуации производства коммуникативного акта, некоторые из этих элементов можно элиминировать, если выбрать несколько иной контекст (это важнейшее замечание напрямую касается и агрессивной, конфликтогенной коммуникации: высказывание интерпретируется реципиентом как агрессивное, если ситуация компьютерно-опосредованного общения благоприятствует актуализации определенных суггестивных элементов контекста, которые позволяют дать высказыванию именно такую интерпретацию);

— суггестивность, которой характеризуется высказывание, отделена от его конкретного вербального наполнения, но неразрывно связана с буквальным, поверхностным смысловым слоем высказывания [Ibid., pp. 180—181].

Суггестивные компоненты стимулируют, подталкивают слушающего к конструированию более глубокого смыслового слоя высказывания и, если необходимо, к дальнейшему углублению в его смысл. Суть суггестивности свидетельствует о том, что *глубинный смысловой слой должен строиться на базе уже существующего*, «более понятного», очевидного и

лежащего на поверхности смысла. Можно, таким образом, констатировать, что благодаря суггестивности между поверхностным и более глубокими слоями смысла высказывания и текста устанавливаются отношения иерархической производности.

Проведенный анализ показывает, что на основании коммуникативных стратегий манипулирования реципиентом, исчисленных нами в процессе анализа комментариев к постам Живого Журнала и интернет-мемов периода пандемии, можно вывести два основных вида языковой личности троллей. Первый основной вид троллей, стремящихся разрушить коммуникацию, именуем *троллями-агрессорами* (изучению данного вида троллей посвящена настоящая статья). Второй основной вид троллей, деформирующих сознание окружающих, навязывающих собеседникам конкретное мнение, образ действий, установки, назовем *троллями-манипуляторами*. Подчеркнем, что, какие бы речевые проявления тролля нами ни наблюдались, все они обеспечивают возможность демонстрации конфликтной виртуальной языковой личности и формируют «имидж тролля».

3.1. Общая и частные коммуникативные стратегии троллей-агрессоров

Поскольку речевая коммуникация — это стратегический процесс, целесообразно подробнее остановиться на наблюдаемых в рамках настоящей выборки «особых коммуникативных планах поведения говорящих (их речевых и неречевых действиях), которые ориентированы на достижение определенных коммуникативных и практических целей (на фоне определенных психологических установок)» [Гулакова, 2004, с. 10], являющихся по сути применяемыми коммуникативными стратегиями.

Раскрывая характерные для анализируемой выборки коммуникативные стратегии, будем использовать подход, предложенный О. С. Иссерс, согласно которому логично «идти от общих стратегических задач к частным, решаемым применительно к конкретному коммуникативному акту» [Иссерс, 2008, с. 105].

Рассмотрим подробнее коммуникативные стратегии и тактики, применяемые троллями-агрессорами в указанный временной отрезок, а также типы троллей-агрессоров, исчисленных нами в ходе изучения комментариев к постам в Живом Журнале на основе анализа 1500 комментариев, демонстрирующих конфликтное (агрессивное) речевое поведение, и также более 200 интернет-мемов, созданных в период пандемии.

Общей стратегией, характерной для первого выделяемого нами основного вида конфликтной виртуальной языковой личности (тролля-агрессора), выступает *стратегия враждебности*, задача которой — продемонстрировать очевидное негативное отношение, выйти на открытый комму-

никативный конфликт с собеседником. Частными проявлениями стратегии враждебности являются:

— *микростратегия дискредитации*, цель которой — унизить собеседника, снизить степень доверия к нему;

— *микростратегия нападения*, которая заключается в вербальной атаке на собеседника, в демонстрации собственной силы, захвате власти и контроле над поведением оппонента.

Отмеченные в речевом поведении троллей доминирующие иллюкативные установки (дискредитация и нападение) реализуются посредством конкретных речевых действий, которыми являются применяемые речевые тактики. Исчисляя речевые тактики, используемые троллями-агрессорами для провоцирования конфликта в интернет-среде, конкретизируем полученную в процессе анализа эмпирического материала типологию троллей-агрессоров и представим краткую характеристику каждого из трех выявленных подтипов.

3.2. Троль-интеллигент: характеристика, речевые стратегии и тактики

Троль-интеллигент в компьютерно-опосредованной коммуникации презентует себя как тактичного, воспитанного, деликатного и культурного человека, готового к общению в рамках приличий и конвенций, но при этом демонстрирующего откровенно ложную симпатию по отношению к собеседнику, проявляющуюся в неискренних комплиментах, похвале, поздравлениях, восхищении, любезности, одобрении.

Первой характерной речевой тактикой тролля-интеллигента служит *тактика ложного комплимента*:

(1) ***Какой замечательный, подробный, профессионально написанный, информативный, иллюстрированный и абсолютно бесполезный материал!*** (комментарий от 31.03.2020 г., <https://crithin.livejournal.com/14923.html>, дата обращения 30.01.2022) [AA].

В предлагаемом примере прилагательные, выражающие положительную оценку в адрес описываемого объекта в первой части комментария (*замечательный, подробный, информативный, иллюстрированный*), дополненные словосочетанием *профессионально написанный*, сменяются прилагательным с диаметрально противоположной оценочностью, подкрепленным интенсификатором (*абсолютно бесполезный*) и резко расходящимся с логикой предшествующего текста, что обеспечивает возникновение парадокса и способствует пониманию неискренности комплимента, позволяет сделать вывод о применении тактики ложного комплимента.

(2) ***одно утешает его высочество господин сердца моего божественный! Маха спасет меня дабы я смог в своих стихах славить его***

достопочтенное имя (комментарий от 11.04.2020 г., <https://ru-royalty.livejournal.com/8485383.html>, дата обращения 01.02.2022) [Там же]. Обращает на себя внимание и частотное применение риторических обращений в рамках реализации рассматриваемой тактики как индикатор отношения говорящего к адресату, что обеспечивает неуместную торжественность высказывания и выражение негативного отношения к реципиенту в имплицитной форме. Гротескность речи придают наличие устаревших слов *дабы, достопочтенный, славить*, представление автора комментария в образе менестреля, некоторая пафосность создаваемого образа (*в своих стихах славить его достопочтенное имя*).

Негативное отношение к собеседнику проявлялось и в случаях применения исключительно риторического обращения с помощью слов с комплиментарным значением и достигалось благодаря намеренному искажению написания данных оценочных номинаций:

(3) *Маладец!* (комментарий от 18.10.2020 г., <https://radulova.livejournal.com/4022554.html>, дата обращения 01.02.2022) [Там же].

Резкая смена комплиментарной оценки на иную тактику стратегии враждебности или стратегии манипулирования, проявляемые к одному и тому же оппоненту, является подтверждением фальшивости положительного отзыва:

(4) *Спасибо, что поделились своим ценным мнением. Но я предпочитаю результаты лабораторных исследований доктора Ризоли и университетов Стэнфорда, Корнелла и Калифорнии* (комментарий от 13.03.2021 г., <https://subjecthistory.livejournal.com/10498.html>, дата обращения 06.02.2022) [Там же]. В представленном примере соблюдена речевая формула благодарности. Однако первая и вторая части комментария противопоставляются благодаря использованию союза *но*. Кульминационная часть данного сообщения сводит к минимуму искренность благодарности, выражаемой в начале высказывания.

Тактика ложного комплимента реализовывалась в том числе и в интернет-мемах, созданных как реакции на происходящие события, являющихся по сути частью виртуальной коммуникации и провоцирующих определенную реакцию у адресатов. Примером применения рассматриваемой тактики может служить следующий демотиватор (рис. 1), в котором высокая оценка вакцины (*прекрасная вакцина*) контрастирует с решительным нежеланием проходить вакцинацию (утвердительная частица *конечно*).

Принизить, уязвить, высмеять собеседника, продемонстрировав таким образом враждебное к нему отношение, в анализируемом материале удавалось коммуникантам с помощью язвительных насмешек, издевок, то есть посредством реализации *тактики колкости*:

Рис. 1

(5) *У Вас все, кроме Вас, глупые, дураки или идиоты. Удивляешься, как столь умный человек допускает такое количество ошибок в пунктуации* (комментарий от 27.07.2021 г., <https://subjecthistory.livejournal.com/10498.html>, дата обращения 05.02.2022) [Там же];

(6) — *Многоразовая матерчатая, бесполезна в защите — Это Нобелевка!* (комментарий от 07.12.2020 г., <https://verola.livejournal.com/1423133.html>, дата обращения 15.02.2022) [Там же];

(7) — *Для защиты от обычного мне хватает одной дозы моего лекарства с ивм*

— *“лекарство для защиты от вируса” — это на нобелевскую премию тянет)))* (комментарий от 15.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8938975.html>, дата обращения 17.02.2022) [Там же].

Саркастическая насмешка над уровнем интеллекта и образованности собеседника, наличие «издевательской» гиперболы (*столь умный, это Нобелевка, на нобелевскую премию тянет*) в прямо противоположном значении нацелены на высмеивание недостатков оппонента, на принижение его достоинства, дискредитацию личности.

Сарказм присутствует и в следующих мемах, созданных по случаю введения ограничительных мер (рис. 2) и послабления ограничительных мер в связи с созданием вакцины (рис. 3). Тактика колкости в рис. 2 проявляется через применение «издевательской» гиперболы (*улетное лето* — отдых в защитном костюме), в рис. 3 посредством саркастического сравнения, демонстрирующего резкий контраст между удобством отдыха для непривитых граждан и чрезмерное количество отдыхающих на пляже, отведенном для вакцинированных лиц.

Рис. 2

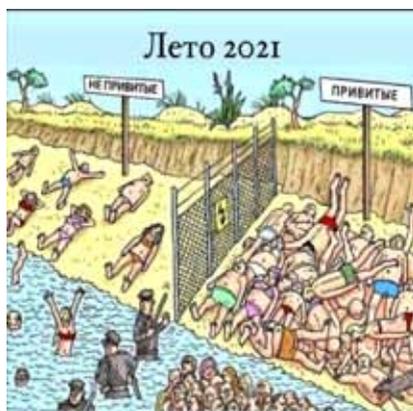

Рис. 3

3.3. Тролль-обвинитель / обличитель: характеристика, речевые стратегии и тактики

Вторым выявленным подтипом речевого поведения, свойственного троллю-агрессору, стало проявление коммуниканта в качестве тролля-обвинителя / обличителя.

Задача *тролля-обвинителя / обличителя* — опорочить собеседника, позицию, власть, события и прочее. Анализ показывает, что данному типу троллей частотно присущи две речевые тактики — *тактика оскорбления* и *тактика обвинения*.

Тактика оскорбления отличается стремлением причинить адресату высокий эмоциональный ущерб, навязать отрицательную оценку, подавить оппонента и не предполагает использования фактов и доказательств. Моральное уничтожение собеседника проявляется через использование значительного объема инвектив, критику умственных способностей личности, реже — иных личностных качеств индивида.

(8) *У меня начинает складываться впечатление что общаюсь с безмозглым ботом типа жжж-френка. Предыдущие поколения риновирусов не несли такого урона больным как в этом году. Напомню сейчас за 1 (один) день только в Ша под 2000 смертей. Вы это усвоили или нет?* (комментарий от 11.04.2020 г., <https://crithin.livejournal.com/14923.html>, дата обращения 05.02.2022) [Там же].

В представленном примере наблюдаем ситуацию непрямого оскорбления. Нейтральная усеченная номинация *бот*, используемая в качестве характеристики коммуниканта, снижает ранг оппонента, приравнивая уровень его развития к программе, способной выполнять однотипные

действия и лишённой возможности проведения собственного анализа и создания умозаключений. Отрицательная семантика номинации *бот* придается также за счет пейоративно оценочного прилагательного *безмозглый*. Дискредитация собеседника поддерживается в данном случае благодаря вопросительной конструкции (*Вы это усвоили или нет?*), следующей после озвучивания коммуникантом цифровых данных по уровню смертности в США в указанный период, которые, по мнению автора, служат очевидным аргументом, но едва ли понятны собеседнику в силу скудности ума.

(9) *Анализируя конфликтные контексты, мы отметили многочисленные случаи прямых оскорблений.*

Телеграм — это источник фактов?

— *нет*

А если предположить, что.

— *предполагать можно что угодно, а вот то, что вы двуличная лживая скотина — это уже однозначно установленный факт* (комментарий от 05.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8934371.html>, дата обращения 12.02.2022) [Там же].

Оскорбление достигается за счет использования бранного слова *скотина*, негативная семантика которого усилена эпитетами *двуличная*, *лживая*. Категоричность суждения тролля в данном примере подчеркивается дополнительным значением уверенности, выраженным с помощью усилительной частицы *уже* и модального наречия *однозначно*.

(10) *“У кого ноль — те заболеют” — вот только за эту одну фразу ты безграмотный засланный казачок* [Там же] (комментарий от 14.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8938975.html>, дата обращения 15.02.2022).

Устойчивый фразеологизм *засланный казачок*, дополненный отрицательной оценкой уровня образованности оппонента, является попыткой обличить истинную сущность адресата, унижает собеседника, подрывая его авторитет.

Использование обценных, жаргонных, просторечных слов для реализации тактики оскорбления характерно также для анализируемых мемов. В представленном примере (рис. 4) автор для характеристики лиц, отказывающихся вакцинироваться, использует бранное слово *мудак*. Провоцирование конфликтного взаимодействия в данном случае усиливается еще и изображаемой ситуацией самооценивания, когда противник вакцин использует бранную лексику в собственный адрес, будто добровольно приписывая себе отрицательные качества.

Рис. 4

Обвинения в неискренности, неспособности доказать правоту, обличение личности тролля — набор действий коммуниканта, обеспечивающих реализацию *тактики обвинения*. Анализируя имеющийся материал, отметим предъявление троллями как личного, так и безличного (без именованного объекта агрессии) вариантов обвинений в созданных ими комментариях.

(11) *В данной ситуации крипто*** ведёт себя как паразит или как тролль* (комментарий от 27.03.2020 г., <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>, дата обращения 01.02.2022) [Там же]. Представленный комментарий — приписывание герою *крипто**** скандального поведения, характерного для тролля. Отрицательная оценка собеседника, проявляющаяся через некорректное и необоснованное сравнение его с паразитом и выраженная в виде разговора о нем в третьем лице в его же присутствии, является примером психологической травли объекта.

Уличение собеседника во лжи — характерная поведенческая реакция виртуального пользователя, нацеленная на дискредитацию оппонента. Выражаться подобная провокация может в виде простых предложений, содержащих прямую негативную номинацию субъекта оскорбления (пример (12) — *ты же лжец*), инверсивных конструкций для усиления эмоционального эффекта (пример (13) — *Врешь тут только ты*), императивной конструкции (рис. 5 — *Ври большие*), двойного отрицания в значении утверждения (пример (14) — *не соврать не смог*), риторического вопроса, содержащего пейоративно оценочные номинации (пример (14) — *Как можно быть настолько брехливым?*).

(12) *Всё правильно, ты сначала проверяешь информацию, а затем специально извращаешь её, чтобы ни в коем случае правду не написать. Ведь ты же лжец* (комментарий от 01.02.2021 г., https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent, дата обращения 15.02.2022) [Там же].

(13) **Врёшь тут только ты, и я множество раз это показывал** (комментарий от 01.02.2021 г., https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent, дата обращения 11.01.2022) [Там же].

(14) **Даже в мелочи не соврать не смог:) Как можно быть настолько брехливым?** (комментарий от 01.02.2021 г., https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent, дата обращения 17.02.2022) [Там же].

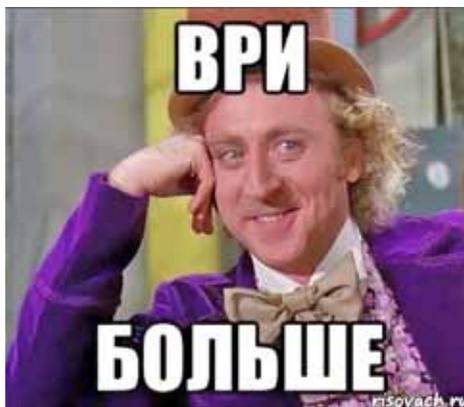

Рис. 5

Иконическая часть мема (рис. 5), содержащая изображение Вилли Вонка (персонажа фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика»), передает недоверие к словам оппонента, усиливая тем самым вербальную часть и обеспечивая реализацию тактики обвинения.

3.4. Троль-берсерк: характеристика, речевые стратегии и тактики

Третьим характерным проявлением тролля-агрессора в рамках настоящей выборки стала демонстрация себя в качестве так называемого *тролля-берсерка*. Главная цель данного типа тролля — открытая конфронтация с собеседником, демонстрация собственной силы, запугивание оппонента, высказывание враждебных замечаний. Характеризуя способы воплощения перечисленных интенций, остановимся на двух наблюдаемых в ходе исследования речевых тактиках тролля-берсерка — *тактике угрозы* и *тактике возмущения*.

(15) **После прочтения последнего абзаца возникло непреодолимое желание найти авторису, нарушить дистанцию в полтора метра, взять за грудки и вопрошать: “Что сказать то хотела?!”** (комментарий от 31.03.2020 г., <https://crithin.livejournal.com/14923.html>, дата обращения 30.01.2022) [Там же]. Предлагаемый пример является вариантом угрозы-

предупреждения. Говорящий выражает своё отношение к автору блога, прямо сообщает о своем неприятии позиции собеседника. Сообщение достаточно категорично, использованы приемы запугивания. Желание нанести очевидный вред автору блога в анализируемом сообщении не наблюдается, но общий посыл сообщения — резкая агрессия, подкрепленная использованным феминитивом *авторша*, передающим пренебрежительное отношение к характеризующему лицу, допущенными стилистическими смещениями: штампом *возникло непреодолимое желание*, просторечным выражением *взять за грудки*, устаревшим, ныне книжным словом *вопрошать*. Упоминание готовности пренебречь запретами, обусловленными сложившейся ситуацией пандемии и локдауна — *нарушить дистанцию в полтора метра*, умышленное искажение написания *чо*, наблюдаемая градация (*найти авторшу — нарушить дистанцию — взять за грудки — вопрошать*), дающая возможность демонстрации волевых качеств автора сообщения, позволяют трактовать это сообщение как содержащее угрозу.

Угроза жестокой расправы над собеседником, нагнетающим панику в социальных сетях касательно распространения коронавирусной инфекции, присутствует в следующем комментарии (пример 16), сочетающем тактику оскорбления: (**КОВИДОБЕСЫ И ВЫ С НИМИ — зараза на теле России**) и собственно тактику угрозы (*подлежите тотальному уничтожению даже без могил сжечь живьем*).

(16) **ОПАСНЫ — КОВИДОБЕСЫ И ВЫ С НИМИ — зараза на теле России и подлежите тотальному уничтожению даже без могил сжечь живьем** в назидание другим (комментарий от 20.06.2021 г., <https://nukakzetak.livejournal.com/15765.html?page=2>, дата обращения 12.02.2022) [Там же].

Реализацией тактики угрозы является призыв к расправе над гражданами, отказывающимися вакцинироваться и распространяющими информацию о бесполезности вакцины. Призыв к действию выражается через использование императивных конструкций (*Бей антиваксеров, спасай Россию*) и изображение воинов, преследующих врага.

Тактика возмущения реализуется троллем-безумцем, атакующим в анализируемых контекстах через:

— грубое требование:

(17) **Вытирашка, чо тут трёшься? Брысь в схрон** (комментарий от 27.03.2020 г., <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>, дата обращения 07.02.2022) [Там же].

— проклятье:

(18) **И в который раз посоветую: бросайте ремесло тралалаш. Подхватите уже ковидлу и освободите от себя планету** (комментарий от

Рис. 6

30.12.2020 г., <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>, дата обращения 17.01.2022) [Там же].

— враждебное замечание:

(19) *задрали вы уже своим ковидобесием антимасочным!* (комментарий от 01.02.2022 г., https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3, дата обращения 17.01.2022) [Там же].

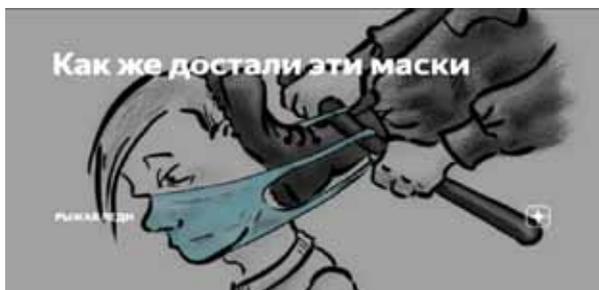

Рис. 7

— выражение презрения:

(20) *СПИД* Доносец, никому нет дела до того, что у тебя нет иммунитета. Это твое личное горе. Мы всех спидоносцев выселяем в резервации — болейте сами, лечитесь сами, мозги вправляйте себе сами. А к здоровым тебе лезть никто не позволит. Никто не обязан тратить свое время на тебя у**ищного!! (комментарий от 01.02.2022 г., https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3, дата обращения 17.01.2022) [Там же].

Продемонстрируем на рисунке некоторые выводы, полученные нами в процессе анализа агрессивного конфликтного коммуникативного взаи-

модействия на примере комментариев к постам в Живом Журнале и интернет-мемов, опубликованных в период пандемии (рис. 8).

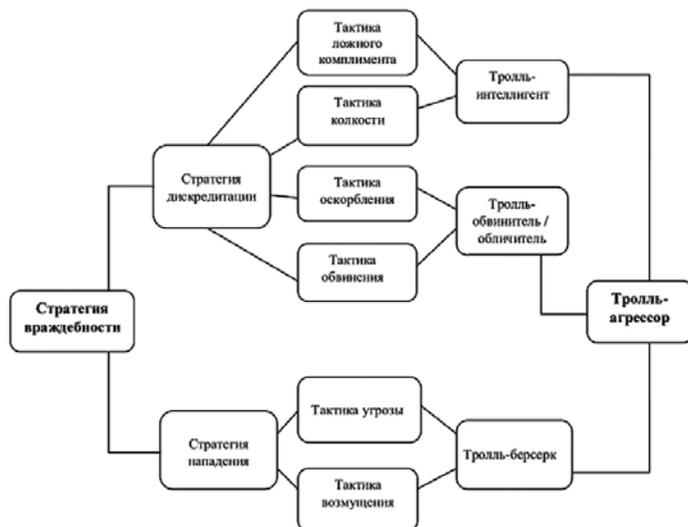

Рис. 8. Стратегии и тактики речевого поведения типов троллей общего вида «троль-агрессор», наблюдаемые в комментариях к постам в Живом Журнале и интернет-мемах в период пандемии COVID-19.

4. Заключение = Conclusions

Подрыв отношений с собеседником, психологическое насилие, эмоциональное доминирование, демонстрация силы и дискредитация личности оппонента представляют собой основные коммуникативные установки, лежащие в основе стратегии враждебности, реализуемой троллем-агрессором и наблюдаемой нами в процессе анализа комментариев к постам в Живом Журнале и интернет-мемов периода пандемии. Попытка исчислить конкретные типы троллей-агрессоров данного временного отрезка базировалась на определении речевых действий (речевых тактик), используемых троллями. Итогом работы стала дифференциация общей стратегии враждебности на частные стратегии дискредитации и нападения, разграничиваемые по преследуемой троллями интенции: унижить собеседника, снизить степень доверия к нему (стратегия дискредитации) и осуществить вербальную атаку на собеседника, продемонстрировать собственную силу, захватить власть и контроль над поведением оппонента (стратегия нападения).

На основе анализа речевых действий (речевых тактик), характерных для каждой из частных стратегий, сделано заключение о реализации стра-

тегии дискредитации посредством тактики ложного комплимента, тактики колкости, тактики оскорбления и тактики обвинения. Первые две тактики, маркерами которых служат слова с комплиментарным значением, речевые формулы благодарности и восхищения, сменяющиеся обидными высказываниями и насмешкой, имеющие некорректное графическое написание, способствующие возникновению парадокса, наличие «издевательской» гиперболы и высокая неуместная пафосность речи, признаны нами как характерные для типа тролля-интеллекта, демонстрирующего ложную симпатию по отношению к собеседнику, проявляющуюся в неискренних комплиментах, похвале, поздравлениях, восхищении, любезности, одобрении. Тактики оскорбления и обвинения, свойственные троллю-обвинителю / обличителю, характеризуются критикой умственных способностей, личностных качеств индивида через использование значительного объема инвектив, эпитетов с отрицательной семантикой, литературных бранных слов, грубопросторечной лексики, могут быть прямыми и косвенными, личными и безличными, поддерживаться риторическими вопросами, инверсивными конструкциями для усиления эмоционального эффекта, конструкциями с двойным отрицанием в значении утверждения.

Стратегия нападения прослеживалась через речевые тактики угрозы и возмущения, характерные для тролля как атакующего безумца. К маркерам данных тактик относим применение лексических единиц, передающих семантическое значение угрозы, приемов запугивания, оскорбительной, сниженной эмоционально-оценочной лексики, возмущение через демонстрацию грубого требования, проклятье, враждебное замечание оппоненту и презрение к нему.

Источники

1. АА — *Архив* авторов.
2. *Смолина А. Н.* Коммуникативная ситуация, или речевая ситуация / А. Н. Смолина // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 223. — ISBN 978-5-7638-3042-2.

Литература

1. *Алимурадов О. А.* Структурная и признаковая модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе / О. А. Алимурадов, М. А. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 3. — С. 12—19.
2. *Белоус Н. А.* Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения / Н. А. Белоус // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 62. — С. 30—36.
3. *Гончаренко Н. В.* Суггестивность медицинского дискурса [Электронный ресурс] / Н. В. Гончаренко // Известия Волгоградского государственного педагогического

го университета. — 2008. — № 2. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestivnost-meditinskogo-diskursa> (дата обращения 28.08.2022).

4. *Гукосьянц О. Ю.* Речевой аспект маскировки гендерной идентичности в англоязычной интернет-опосредованной коммуникации : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. Ю. Гукосьянц. — Пятигорск, 2016. — 228 с.

5. *Гулакова И. И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / И. И. Гулакова. — Орел, 2004. — 19 с.

6. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.

7. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 7-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.

8. *Караулов Ю. Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 3—10.

9. *Седов К. Ф.* Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / К. Ф. Седов. — Саратов, 1999. — 49 с.

10. *Седов К. Ф.* Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Международная Интернет-конференция «Диалог». — 2002. — Режим доступа : <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (дата обращения 12.08.2022).

11. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. — Воронеж : [б. и.], 2001. — 252 с. — ISBN 5-86937-036-9.

12. *Стернин И. А.* О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. — Halle : Martin-Luther-Universität, 1989. — S. 279—282.

13. *Angouri J.* “You Have No Idea What You are Talking About!” From e-disagreement to e-impoliteness / J. Angouri, T. Tseliga // Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture. — 2010. — Vol. 6. — № 1. — Pp. 57—82. — DOI: 10.1515/JPLR.2010.004.

14. *Bierwisch M.* Semantic Structure and Illocutionary Force / M. Bierwisch // Speech Act Theory and Pragmatics / Ed. by J. Searle, F. Kiefer and M. Bierwisch. — Dordrecht ; Boston ; London : D. Reidel Publishing Co., 1980. — Pp. 1—35. — ISBN 978-90-277-1045-1.

15. *Hardaker C.* Trolling in asynchronous computer-mediated communication : from user discussions to academic definitions / C. Hardaker // Journal of Politeness Research. — 2010. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 215—242. — DOI: 10.1515/jplr.2010.011.

16. *Infante D.* Response to high argumentativeness : Message and sex differences / D. Infante // Southern Communication Journal. — 1989. — Vol. 54. — № 2. — Pp. 159—170.

17. *Infante D.* A conceptualization and measure of argumentativeness / D. Infante, A. Rancer // Journal of Personality Assessment. — 1982. — Vol. 46. — № 1. — Pp. 7—80.

18. *Martin M.* Argumentativeness and verbal aggressiveness / M. Martin, C. Anderson // Journal of Social Behavior and Personality. — 1996. — Vol. 11. — № 3. — Pp. 547—554.

19. *Posner R.* Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language / R. Posner // Speech Act Theory and Pragmatics / Ed. by J. Searle, F. Kiefer and M. Bierwisch. — Dordrecht ; Boston ; London : D. Reidel Publishing Co., 1980. — Pp. 169—203. — ISBN 978-90-277-1045-1.

20. *Schrodt P.* Aggressive communication and informational reception apprehension : The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait argumentativeness and

verbal aggressiveness / P. Schrodt, L. Wheelless // *Communication Quarterly*. — 2001. — Vol 49. — № 1. — Pp. 53—69. — DOI: 10.1080/01463370109385614.

Material resources

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Smolina, A. N. (2014). Communicative situation, or speech situation. In: *Effective speech communication (basic competencies). Dictionary-reference. Electronic edition*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 223. ISBN 978-5-7638-3042-2. (In Russ.).

References

- Alimuradov, O. A., Guseva, M. A. (2010). Structural and feature models of the BEAUTY concept objectified in modern English-language women's discourse. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 12—19. (In Russ.).
- Belous, N. A. (2008). Socio-cultural aspect of the analysis of speech conflict behavior. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 62: 30—36. (In Russ.).
- Bierwisch, M. (1980). Semantic Structure and Illocutionary Force. In: *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Co. 1—35. ISBN 978-90-277-1045.
- Goncharenko, N. V. (2008). Suggestiveness of medical discourse. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestivnost-meditsinskogo-diskursa> (accessed 28.08.2022). (In Russ.).
- Gukosiants, O. Yu. (2016). *The speech aspect of masking gender identity in English-language Internet-mediated communication*. PhD Diss. Pyatigorsk. 228 p. (In Russ.).
- Gulakova, I. I. (2004). *Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict situation of communication*. Author's abstract of PhD Diss. Eagle. 19 p. (In Russ.).
- Hardaker, C. (2010). Trolling in asynchronous computer-mediated communication: from user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*, 6 (2): 215—242. DOI: 10.1515/jplr.2010.011.
- Infante, D. (1989). Response to high argumentativeness: Message and sex differences. *Southern Communication Journal*, 54 (2): 159—170.
- Infante, D., Rancer, A. (1982). A conceptualization and measure of argumentativeness. *Journal of Personality Assessment*, 46 (1): 7—80.
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Ed. 5th. Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Ed. 7th. Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N., Krasilnikova, E. V. (1989). Russian linguistic personality and the tasks of its study. In: *Language and personality*. Moscow: Nauka. 3—10. (In Russ.).
- Martin, M., Anderson, C. (1996). Argumentativeness and verbal aggressiveness. *Journal of Social Behavior and Personality*, 11 (3): 547—554.
- Posner, R. (1980). Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language. In: *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Co. 169—203. ISBN 978-90-277-1045-1.
- Schrodt, P., Wheelless, L. (2001). Aggressive communication and informational reception apprehension: The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait

argumentativeness and verbal aggressiveness. *Communication Quarterly*, 49 (1): 53—69. DOI: 10.1080/01463370109385614.

Sedov, K. F. (1999). *The formation of the structure of oral discourse as an expression of the evolution of linguistic personality*. Author's abstract of Doct. Diss. Saratov. 49 p. (In Russ.).

Sedov, K. F. (2002). Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology. *International Internet conference "Dialog"*. Available at: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (accessed 12.08.2022). (In Russ.).

Sternin, I. A. (2001). *Introduction to speech impact*. Voronezh: [b. i.]. 252 p. ISBN 5-86937-036-9. (In Russ.).

Sternin, I. A. (1989). On the concept of communicative behavior. In: *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle: Martin-Luther-Universitat. 279—282. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2022,
одобрена после рецензирования 15.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.